

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.2.5>

УДК 811.163.1'38
ББК 81.416.1-55

Дата поступления статьи: 14.04.2016
Дата принятия статьи: 27.04.2016

РУССКИЙ ЛЕТОПИСНЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИКО-СТИЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Лилия Фаатовна Килина

Кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой русского языка, теоретической и прикладной лингвистики,
Удмуртский государственный университет
kilin_74@mail.ru, russistoria@mail.ru
ул. Университетская, 1, 426034 г. Ижевск, Российская Федерация

Аннотация. В статье в результате анализа текста «Повести временных лет» по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам выявлены некоторые стилистические особенности русских летописей и определены лексико-стилистические явления и стилистические приемы. Изучение семантики лексических единиц и особенностей их использования позволило установить, что в исследуемых летописных фрагментах представлены факты, свидетельствующие о формировании образности русской речи и синонимических отношений между лексическими единицами. Выбор слова из ряда близких по значению, а также использование в пределах небольшого контекста нескольких семантически близких единиц свидетельствуют о стремлении летописца передать необходимые оттенки смысла и отношение к описываемым событиям, с этой же целью автор использует оценочные лексемы. Яркой стилистической особенностью является употребление сопоставимых с современными фразеологизмами формул, с помощью которых фиксируются повторяющиеся ситуации. Установлено, что наиболее распространенными стилистическими приемами в летописи были плеоназм, повтор, антитеза, употребление прецедентных имен и цитат. Таким образом, показано, что неоднородные в содержательном и структурном отношении летописные тексты отражают процесс становления стилистической системы русского языка.

Ключевые слова: летопись, стилистическая особенность, лексика, стилистический прием, историческая стилистика.

Историческая стилистика стала отдельной областью науки об истории русского языка во второй половине XX в., когда исследователи сосредоточили свое внимание не на описании языковых явлений, а на установлении особенностей употребления языковых единиц. В понимании Г.О. Винокура историческая стилистика – это лингвистическая дисциплина, предмет изучения которой составляют коллективные языковые привычки и формы употребления языка; поэтому разговор о ней возможен только при учете ее неразрывной

связи с фонетикой, грамматикой и семасиологией [1, с. 222]. В.В. Колесов определяет историческую стилистику как дисциплину, в рамках которой изучаются «становление и развитие стилистических средств языка – всегда на фоне нейтральной нормы и в связи с развитием системы языка» [6, с. 20–21]. Сегодня историческая стилистика – одно из направлений общей стилистики, ориентированное на исследование становления и развития стилистических средств языка, а также закономерностей функционирования языка в раз-

личных сферах общения (функциональных стилях и типах текста) [5, с. 418].

Формирование стилистической системы в Средние века было связано со становлением русского литературного языка в целом. Язык постепенно обогащался новыми стилистическими средствами, приемами словесной образности и выразительности, синонимическими, антонимическими и другими ресурсами стиля [5, с. 417]. Начало русского литературного языка и собственно стилистики связано с появлением ранних переводов священных текстов с греческого языка, позже – святоотеческой и житийной литературы, а через некоторое время – светских и деловых текстов. Все эти виды текстов создавались в разных исторических условиях, в разных диалектных средах, поэтому, как отмечает В.В. Колесов, уже в самый ранний период формирования русского литературного языка ему были свойственны языковые и жанровые различия, он изначально отличался неоднородностью [6, с. 20–21]. В связи с этим возникают сложности исторического изучения стилистики, причины которых кроются в продолжительном влиянии стилистических вариантов извне при отсутствии собственной стилистической системы, когда становится сложно соотнести «свое» и «чужое», а также в затруднительности изучения языковых реалий, отдаленных во времени.

Русские летописи без преувеличения можно отнести к уникальным произведениям древнерусской литературы. Не одно поколение историков, лингвистов и литературоведов исследует эти тексты, но и сейчас существуют вопросы, ответы на которые еще только предстоит получить. На первый взгляд, летопись представляет собой историю Руси, последовательную констатацию исторических фактов, с ней связанных. Однако есть и глубокий уровень понимания летописного повествования, напрямую связанный с личностью самого автора, который старается наполнить текст философскими размышлениями, осмыслить исторический процесс сквозь призму христианского мировоззрения.

И.П. Еремин указывает на противоречивость в суждениях летописца и изображении людей, а также пишет о странности и загадочности летописи, имея в виду специфичес-

кую фрагментарность, в результате которой «ослабевают связь между отдельными частями повествования» [3, с. 3–4]. Однако именно эта фрагментарность, обусловленная компилятивным характером первых русских летописей, позволяет наглядно увидеть и исследовать стилистические особенности данных текстов, а также определить сложный характер взаимоотношений различных функциональных стилей, зарождающихся в древнерусском литературном языке. С учетом сказанного выявление стилистических особенностей летописи, на наш взгляд, логичнее осуществлять в пределах фрагмента текста, критериями выделения фрагмента могут быть жанрово-стилевая специфика, тематика, форма изложения, характер передачи информации и т. д.

Стилистические особенности можно обнаружить на разных языковых уровнях, в том числе на лексическом. В данном исследовании мы рассматриваем именно лексико-стилистические явления, так как анализируемые нами тексты русских летописей отражают процесс распада именного синкретизма, обусловивший развитие лексической системы русского языка. Кроме лексико-стилистических средств, мы остановимся на некоторых стилистических приемах, которые активно используются в летописном тексте (антитезе, плеоназме, повторе, употреблении прецедентных имен и цитат).

Современная лексическая стилистика ориентирована на описание средств словесной образности, лексических синонимов, эмоциональной и экспрессивной лексики, фразеологизмов, а также лексических единиц ограниченного употребления (последнее для древнерусских текстов не является актуальным). Говоря о средствах словесной образности и синонимах, представленных в летописи, необходимо помнить о том, что на момент становления стилистики синонимия и метафора практически отсутствовали, эпитеты и эмоционально-экспрессивные средства были развиты слабо, однако широк был спектр глагольных форм и метонимии [6, с. 18]. Образ, понятие и знак в средневековом сознании неразрывно связывались между собой. Слово не существовало само по себе, оно проявлялось в контексте, конкретизация смысла была возможна только в сочетании-формуле [6, с. 35].

Во время создания первых русских летописей явление синонимии только начинало формироваться. Как показало сопоставительное исследование некоторых фрагментов «Повести временных лет» (ПВЛ) по разным спискам, о формировании синонимических отношений между языковыми единицами в ряде случаев свидетельствуют лексические различия, которые, как правило, не влияют на общий смысл контекста, например: *гробъ – рака – корста* ‘гроб’, *мовь – мовья – мовница* ‘баня’ и др. Подобные примеры мы обнаруживаем и в пределах одного списка: *грѣшныи – грѣховьныи, грѣхъ – согрѣшенье, горе – горести, льсть – прѣльщенье, лѣпота – красота, лѣпныи – красьныи, зьлыи – ѡканьныи, зьлыи – неправьдныи, добрыи – незьлобивыи, нечьтивыи – безбожьныи, правьдныи – добродѣтельныи* и т. д.¹

Как видим, в рядах семантически близких слов встречаются однокорневые и разнокорневые образования, наиболее близкими по значению являются первые, что вполне понятно, степень семантической близости вторых чаще зависит от того, в каком словесном окружении употребляется то или иное слово. Так, в примере *бѣ же Ростиславъ мужь добль ратень возрастъ же лѣпль и красень лицемь* (ПВЛ по Лаврентьевскому списку, л. 56) *лѣпль* имеет значение ‘годный, подходящий’, а *красень* – ‘красивый’, что обусловлено сочетаемостью с существительными *возраст* и *лицо* соответственно.

Говоря о стилистической функции синонимов в современном русском языке, И.Б. Голуб отмечает: «Работая над лексикой своих произведений, писатели выбирают из множества близких семантически слов то, которое наиболее верно передает нужный оттенок смысла; работа с синонимами отражает творческую позицию писателя, его отношение к изображаемому» [2, с. 29]. Таким образом, основная задача автора – выбрать из ряда слов, близких по значению, наиболее подходящее в каждом конкретном случае, выражающее нужное значение. Не вызывает сомнения, что древнерусские авторы осуществляли такой выбор, несмотря на ограниченный круг языковых единиц.

Употребление нескольких семантически близких единиц в пределах одного небольшого контекста также свидетельствует о сознательной установке автора, например: *аще бо князи правьдиви бѣвають в земли то много ѡтдаются согрѣшенья аще ли зли и лукави бѣвають то болше зло наводитъ Б(ог)ъ на землю* (ПВЛ по Лаврентьевскому списку, л. 48). Прилагательное *лукавыи* ‘коварный, связанный с дьяволом’ (Срезн., т. I, стб. 51) в этом контексте уточняет достаточно обобщенное в семантическом плане прилагательное *злии* ‘дурной, плохой, злой, приносящий зло, низкий, бесчестный, тягостный, насильственный, жестокий’ (Срезн., т. I, стб. 1007). В данном случае важно было сделать акцент на принадлежности злых князей сфере дьявола.

В текстах летописей мы также можем наблюдать факты, свидетельствующие о формировании образности русской речи. Как уже сказано выше, в древнерусский период метафорическое мышление развито не было, но это не значит, что человек не сопоставлял одни явления действительности с другими – сопоставление это было основано, как правило, на смежности, сопредельности. Так, во фрагменте, посвященном рассказу о мести княгини Ольги древлянам, в списках ПВЛ мы обнаружили различие *истобька – мовница – двери*, которое иллюстрирует именно явление метонимии: в последнем случае наблюдаем указание не просто на место (баню), а на его часть – на двери, которые заперли.

Уподобление одного явления или лица другому могло выражаться сравнительным оборотом, словосочетанием и предложением. В ранних русских летописях представлены преимущественно сравнительные обороты, в которых используется союз *аки (яко)* ‘как, подобно’, например: *бѣ бо женолюбець такоже и Соломанъ* (ПВЛ по Лаврентьевскому списку, л. 25 об.); *болше бо мужь твои аки волкъ восхищатъ и грабѣ* (ПВЛ по Лаврентьевскому списку, л. 15); *плакашася по немь болше и аки заступника ихъ земли оубози аки заступника и кормителѣ* (ПВЛ по Лаврентьевскому списку, л. 45) и др. В похвале Борису и Глебу находим сравнения, которые имеют предикативный центр, например: *такъ потока точита от кладѣзѣ воды*

живоносныа (ПВЛ по Лаврентьевскому списку, л. 47). Если человек сравнивается с какой-либо личностью, то оборот начинается словами *се есть* либо *се же*, например: *се есть новии Костантинъ великого Рима* (ПВЛ по Лаврентьевскому списку, л. 45). Сравнение могло выражаться также с помощью формы сравнительной степени прилагательного: *В се же лѣт престависа Іанъ старецъ добрый <...> живъ по закону Б(ож)ью не хужии бѣ первых праведник* (ПВЛ по Лаврентьевскому списку, л. 94 об.).

Такое средство лексической выразительности, как эпитет, тоже представлено в летописях. Например, в похвальных словах князьям употреблялись хвалебные эпитеты с целью возвеличивания правителя и увековечивания памяти о нем; речь идет о прилагательных *благовѣрныи, богомудрыи, блаженныи, великии* и под. Данные эпитеты характеризуют князя в первую очередь как праведника, святого подвижника, которого следует почитать: *изиде противу юму бл(а)говѣрныи князь Всеволодъ с своима с(ы)нѣма* (ПВЛ по Лаврентьевскому списку, л. 69). Хвалебный эпитет *великий* является составной частью княжеского титула, использование которого позволяет сделать акцент на величии и могуществе князя: *престависа великии князь Всеволодъ с(ы)нъ Іарославль внукъ Володимеръ* (ПВЛ по Лаврентьевскому списку, л. 72).

Эмоционально-экспрессивная лексика, как известно, не только обозначает понятия, но и выражает отношение к ним говорящего, поэтому эмоциональную лексику часто называют оценочной. Н.С. Ковалев пишет о том, что «оценка является одним из видов модальностей, способных накладываться на семантику языковой единицы», в результате чего «возникают оценочные смыслы, реализация которых в тексте осуществляется словоформой, словосочетанием» [4, с. 36]. Оценочные языковые единицы в древнерусском языке использовались для того, чтобы выразить отношение автора к лицам и событиям, например, в тексте ПВЛ образ врага Руси создан с помощью единиц отрицательной оценки: *приде второе Бонѣкъ безбожныи шелудивыи ѡтаи хыщникъ; безбожныѣ же с(ы)нове Измаилеве* и др. (ПВЛ по Лаврентьевскому

списку, л. 77). Летописцам важно было сформировать у читателя представление о том, что такое добро (благо) и зло, о человеческом мире (земной жизни) и мире божественном – царствии небесном, в котором живут ангелы, мученики, святые, пророки, страстотерпцы.

Яркой стилистической особенностью древнерусских текстов является употребление в них формул, и хотя лишь немногие из этих устойчивых единиц сопоставимы с современными фразеологизмами, само явление формульности, безусловно, характерно для русского языка и сегодня. Практически все исследователи обращают внимание на то, что в летописи повторяются одни и те же формулы в определенных контекстах. Например, если требуется зафиксировать ситуацию исправления чего-то плохого, используется формула *поправити зло* ‘исправить положение, договориться’: *пюидѣта к городцю да поправимъ сего зла еже сѧ сотвори оу русьскои земли* (ПВЛ по Ипатьевскому списку, л. 90).

Некоторые устойчивые сочетания являются плеонастичными, например, формула *супротивный враг: и оутверди оу нихъ вѣру правую и несъврату мнѣ помози з(о)с(под)и на супротивнаго врага да надѣюсѧ на тѧ и на твою державу побѣждаю козни его* (ПВЛ по Ипатьевскому списку, л. 44 об.). В словаре И.И. Срезневского находим: *супротивныи* – ‘противный, встречный’, ‘противоположный’, ‘противоречащий’, ‘ложный, враждебный’ (Срезн., т. III, стб. 623–624). Итак, *супротивныи* – это тот, кто противостоит, полностью противоположен чему-то, в летописи речь идет о Дьяволе, который, являясь антагонистом Бога, противостоит ему. В смысловой структуре слова *врагъ* также содержатся данные семантические компоненты, а значит, перед нами формула, представляющая собой плеоназм.

Избыточное употребление близких по смыслу слов (смысловое дублирование) используется в текстах летописей для эмоционального усиления высказывания, например: *есть же могъла юго в пустыни и до сего дне исходить же ѡт неѧ смрадъ золь* (ПВЛ по Лаврентьевскому списку, л. 49 об.). Существительное *смрадъ* ‘зловоние, мерзость’ (Срезн., т. III, стб. 446) само по себе обозна-

чает дурной запах, однако автор употребляет указанное существительное в сочетании с прилагательным *золь*, благодаря чему усиливается степень проявления признака: запах не просто плохой, а отвратительный.

Кроме плеоназма, в летописях часто встречаем намеренное повторение одного слова или однокорневых слов, а также повторение речевых конструкций. Прием повтора древнерусские авторы использовали с целью акцентирования внимания на чем-либо важном, имеющем особое значение или смысл. Например, во фрагменте, представляющем собой антинекролог Святополку, важно было несколько раз подчеркнуть, какое именно преступление совершил князь, поэтому здесь неоднократно употребляются формы глагола *убити*, причастие от этого глагола *убивъ*, существительное *убийство* (в составе формулы *створити убийство*): *створѣть такоже зло убийство, створи убийство, Каинъ убивъ Авель, мужа убихъ, уби два брата Енохова* (ПВЛ по Лаврентьевскому списку, л. 49 об.). Чаще всего в ПВЛ повторяются языковые единицы, выражающие оценку или отношение, формирующие определенное понятийное поле, например: *дать Бохмитъ комуждо по семидесѣтъ женъ красныхъ избрать едину красну и всѣх красоту възложить на едину та будет емѹ жена* (ПВЛ по Лаврентьевскому списку, л. 27–27 об.); и *радовашесѣ с нимъ неиздреченною радостію* (ПВЛ по Лаврентьевскому списку, л. 47) и др.

Остановимся подробнее на использовании в летописях антитезы, так как именно этот стилистический прием, основанный на противопоставлении, встречается уже в самых ранних летописных текстах. Антитеза представляет собой быструю смену противоположных понятий в пределах небольшого фрагмента текста. Лексическим средством выражения антитезы являются антонимы, которые объединяются в пары на основе контраста [2, с. 35]. В исследуемых нами текстах антитеза может иметь простую структуру, когда контрастные в семантическом плане языковые единицы употребляются рядом: *ты поставленъ ѿишѣ Б(о)га на казнѣ злымъ а добрымъ на милованье* (ПВЛ по Лаврентьевскому списку, л. 43 об.); *возлюби свѣтъ а тьму ѿстави*

(ПВЛ по Лаврентьевскому списку, л. 17 об.) и др. Противоположными в семантическом плане являются *казнѣ – милованье, злым – добрым, возлюби – остави, свѣтъ – тьма*. В то же время противопоставленными могут быть развернутые высказывания: *аще бо прѣже в невѣжествѣ и етера бѣния сгрѣшения послѣди же расыпашасѣ покаяньемъ и м(и)л(о)стнѣми* (ПВЛ по Ипатьевскому списку, л. 49). В данном случае антитеза выстраивается на языковом уровне посредством наречий времени *прѣже – послѣди*, а также существительных *невѣжество, согрѣшения – покаянье, милостыня*. Чтобы понять смысл данного отрывка, необходимо учесть, что все эти единицы актуализируют оппозицию язычество – христианство.

Летописцы часто апеллировали к авторитетным источникам, цитируя прецедентные тексты, в основном Библию. Цитаты в летописях выступают как авторитетное подтверждение мыслей летописца либо как вневременной вывод, который можно приписать к конкретной ситуации в русской истории. Например, в похвале князю Владимиру читаем: *якоже Соломонъ реч оумершю мужю праведну не погѣбають оупованье* (ПВЛ по Лаврентьевскому списку, л. 45). Данная цитата употребляется с целью создания образа праведника, которым, по мнению летописца, был князь, крестивший Русь. Основная функция цитат в исследуемых нами текстах – функция воздействия. Посредством библейского слова летописец формирует определенное отношение к тому или иному факту истории. В связи с тем, что ценностная система в летописи носит теоцентрический характер, библейское слово получает особый вес, а оценка – категоричность, то есть абсолютную уверенность в ее истинности.

Цитирование часто предполагает использование прецедентных имен, что также является особым стилистическим приемом, цель которого – сослаться на авторитетное лицо, подтвердив при этом свои суждения. Например: *реч бо Д(а)в(и)дъ работаите г(о)с(подо)ви съ страхомъ и радуитесѣ ему с трепетомъ* (ПВЛ по Ипатьевскому списку, л. 45 об.). Автором ПВЛ приводятся такие прецедентные имена, как *Иѡаннъ, Иисусъ Христосъ, Соломонъ, Давидъ, Ав-*

раамъ и т. д. Однако библейские имена употребляются не только при цитировании. Например, имя первого человека Адама встречаем во фрагменте, рассказывающем о крещении Ольги: *съвчлечеса грѣховныя одежда ветхаго ч(е)л(о)в(е)ка Адама и въ новыи Адамъ облечеса еже есть Х(ристо)съ* (ПВЛ по Ипатьевскому списку, л. 27).

Итак, рассмотрев стилистические особенности «Повести временных лет», можно сделать вывод о том, что летописные тексты отражают процесс формирования синонимических отношений и образности русской речи. Употребление эмоционально-экспрессивной лексики позволяет летописцу выразить отношение к описываемым событиям, устойчивые словосочетания (формулы) используются для того, чтобы зафиксировать повторяющиеся однотипные ситуации. Наиболее распространенными стилистическими приемами в летописи являются: избыточное употребление близких по смыслу слов (плеоназм), намеренное повторение одного слова или однокорневых слов, противопоставление (антитеза), цитирование прецедентных текстов и использование прецедентных имен. Таким образом, летописный текст со всей уверенностью можно отнести к текстам, в которых зарождаются многие стилеобразующие тенденции русского языка. Исследуя языковые особенности русских летописей, мы имеем возможность обнаружить факты, свидетельствующие о формировании русской стилистической системы.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Примеры из текстов летописей приводятся в упрощенном графическом виде, выносные буквы приводятся в строке, титла раскрываются, восстановленные буквы заключаются в круглые скобки, надстрочные знаки не воспроизводятся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокур, Г. О. О задачах истории языка / Г. О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. – М. : Учпедгиз, 1959. – С. 207–226.
2. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – 3-е изд., испр. – М. : Рольф, 2001. – 448 с.

3. Еремин, И. П. «Повесть временных лет»: проблемы ее историко-литературного изучения / И. П. Еремин. – Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1946. – 92 с.

4. Ковалев, Н. С. Древнерусский литературный текст: проблемы исследования смысловой структуры и эволюции в аспекте категории оценки / Н. С. Ковалев. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1997. – 260 с.

5. Кожина, М. Н. Стилистика историческая (диахроническая) / М. Н. Кожина // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2006. – С. 416–420.

6. Колесов, В. В. Общие понятия исторической стилистики / В. В. Колесов // Историческая стилистика русского языка : межвуз. сб. науч. тр. – Петрозаводск : Петрозав. гос. ун-т, 1990. – С. 16–36.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

ПВЛ по Ипатьевскому списку – Ипатьевская летопись. Изд. : Полное собрание русских летописей. – М. : Языки русской культуры, 1998. – Т. 2. – 604 с.

ПВЛ по Лаврентьевскому списку – Лаврентьевская летопись. Изд. : Полное собрание русских летописей. – М. : Языки русской культуры, 1997. – Т. 1. – 733 с.

Срезн. – Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. – СПб. : Издание Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 1893. – Т. I. – 1420 стб. ; 1902. – Т. II. – 1802 стб. ; 1912. – Т. III. – 1684 стб. Репр. изд. : М. : Знак, 2003.

REFERENCES

1. Vinokur G.O. O zadachakh istorii yazyka [About the Objectives of the History of Language]. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected Works on the Russian Language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1959, pp. 207-226.
2. Golub I.B. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian Language]. 3rd ed., rev. Moscow, Rolf Publ., 2001. 448 p.
3. Eremin I.P. "Povest vremennykh let": *Problemy ee istoriko-literaturnogo izucheniya* [The Tale of Bygone Years: Aspects of Its Historic and Literary Studies]. Leningrad, Izd-vo Leningr. gos. un-ta, 1946. 92 p.
4. Kovalev N.S. *Drevnerusskiy literaturnyy tekst: problemy issledovaniya smyslovoy struktury i*

evolyutsii v aspekte kategorii otsenki [The Old Russian Literary Texts: Challenges to Research Their Conceptual Structure Through the Category of "Evaluation"]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 1997. 260 p.

5. Kozhina M.N. Stilistika istoricheskaya (diakhronicheskaya) [Historical Stylistics (Diachronic Approach)]. Kozhina M.N., ed. *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. 2nd ed., rev. and add. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2006, pp. 416-420.

6. Kolesov V.V. Obshchie ponyatiya istoricheskoy stilistiki [General Concepts of Historical Stylistics]. *Istoricheskaya stilistika russkogo yazyka: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Historical Stylistics of the Russian Language: Interuniversity Collection of Papers]. Petrozavodsk, Petrozav. gos. un-t Publ., 1990, pp. 16-36.

SOURCES AND DICTIONARIES

Ipatyevskaya letopis [The Ipatiev Chronicle]. Ed.: *Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 2* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 2]. Moscow, Yazyki russkoy kultury, 1998. 604 p.

Lavrentyevskaya letopis [The Laurentian Chronicle]. Ed.: *Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 1* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 1]. Moscow, Yazyki russkoy kultury, 1997. 733 p.

Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam: v 3 t.* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language in the Written Records. In 3 vols]. St. Petersburg, Izdanie Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk, vol. 1, 1893. 1420 col.; vol. 2, 1902. 1802 col.; vol. 3, 1912. 1684 col. Reprint: Moscow, Znak Publ., 2003.

RUSSIAN ANNALISTIC TEXT AS OBJECT OF THE HISTORICAL AND STYLISTIC ANALYSIS

Liliya Faatovna Kilina

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Head of Russian Language, Theoretical and Applied Linguistics Department,
Udmurt State University
kilin_74@mail.ru, russistoria@mail.ru
Universitetskaya St., 1, 426034 Izhevsk, Russian Federation

Abstract. The article considers some stylistic peculiarities of the Russian annals evidence due to interpretation of the Tale of Bygone Years (the lists of Laurentian and Hypatian Chronicles). Being heterogeneous in terms of both content and structure the Russian annals reflect the process of shaping of the Russian language stylistic system. The research undertaken has revealed some lexical and stylistic phenomena attributed to the annals. Following the analysis of the semantics of lexical units and their application it has been stated that the fragments of the annals under research point to development of the figurativeness of the Russian language and synonymic ties between lexical units. The choice of a word out of synonyms as well as their use within the limited context of semantically similar units indicate the annalist's intention to cover the required shades of meaning and his attitude to the documented events. Pursuing the same aim the author uses appraisive linguistic units. The use of formulae comparable to modern phraseological units is considered as a remarkable stylistic peculiarity. Pleonasm, repetition, antithesis, creeping of precedent names and quotations are reckoned among the most common stylistic devices attributed to the annals. Pleonasm and repetition are used in order to emphasize the emotional tone of a statement, to underline items of particular importance. As for antithesis it could have both common structure (in case when semantically opposing linguistic units are used in a row) and complicated structure (if extensive statements prove to be opposed to each other). The appeal to precedent texts and names enabled the annalist to cite authority, while supporting his judgement.

Key words: annals, stylistic peculiarities, lexis, stylistic device, historical stylistics.